

Не исключено, однако, и другое словоделение: *и не слоуе*, где *слоуе* — это ранее не засвидетельствованный презенс от глагола *слути* ‘слыть’ (такой же, как в словен. *slúje* ‘слывет’, ‘имеет репутацию’ — от *slúti*). К сожалению, общий смысл в этом случае недостаточно ясен (‘Судит староста, и не слушают его’ ?; ‘Пусть судит староста, и не будет молвы’ ?).

Отметим еще, что *и* перед *соуди* в принципе может быть не только местоимением ‘его’, но и союзом ‘и’ (‘и пусть судит...’).

Имя *Нѣгъль* (образованное от широко представленного в антропонимах корня *нѣг-* с помощью адъективного суффикса *-ьл/-ьл-*, ср. *сѣтьль* от *сѣт-*) встретилось также в надписи на стене новгородского Софийского собора (Медынцева 1978: № 164, 2 пол. XI — 1 пол. XII в.): *Нѣгъль пс.* Ввиду уникальности имени представляется вполне вероятным тождество персонажей.

Грамота написана по одноеровой системе, ср. *нѣ, шѣ* в *вѣкоупникѣ, пришь* (а также *сѣ* ‘сей’ при чтении *сѣ наале*). Это самый поздний из известных ныне древнерусских документов с такой особенностью.

Представляет интерес написание *землоу* (с *оу* вместо *ю*). Подобные написания, отмечавшиеся в небольшом количестве и ранее (см. ДНД₂, § 2.44), встречаются в новонайденных грамотах неоднократно, ср. *лоубо* ‘любо’ 824, *испалоу* ‘исправлю, расплачусь’ 855, *лоудье* 870, *лоуди* 876, *за Полоуда* ‘за Полюда’ 878, *промышлаа* 893.

Отметим окончание *-ѣ* в И. мн. муж. *вѣкоупникѣ* и в перфекте *сѣгонилѣ*. Пример *сѣгонилѣ* — самое раннее надежное свидетельство проникновения этой морфологической инновации в формы перфекта. Оно почти на сто лет старше самых ранних примеров этого рода, известных донныне.

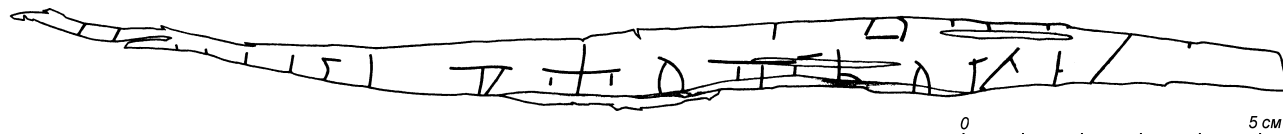
Не встречающееся в других источниках слово *вѣкупникъ* — производное от *вѣкупити, вѣкупитися*. Ср. Слов. XVIII (3, с. 188): *вкупѣтися* ‘вступить в какое-л. общество, артель и т. п., уплатив денежный взнос’; также у Даля (I, с. 212): *вкупѣтися, вкупѣтися* ‘вносом денег получить права временного пользования угодыми, барышами от оборотов и пр.’.

Особую проблему составляет уникальная словоформа *пришь* (= *пришьѣ*). Помимо настоящей грамоты, она встретилась еще в двух источниках: ... *при[ш]ѣ Соуж[ѣ]далоу роздаѣвъ въ дѣльгѣ ...* ‘пришел (или: придя) в Суздаль, раздав в долг’ 675 (сер. XII); *и азъ пришь быхъ сѣ лихвою истязалъ ꙗ* в Житии Феодосия (Усп. сб., 26г); это цитата из Матф. XXV.27, Лук. XIX.23; во всех древних списках евангелия на месте этого *пришь* стоит *пришьдѣ*. Наиболее правдоподобным представляется решение, предложенное В. Вермеером: *пришь* — аналогическая форма причастия, построенная заново (взамен традиционного *пришьдѣ*) от перфекта *пришьѣль* в соответствии с пропорцией *умьр(ѣ)ль : умьръ* (= *сѣпасль : сѣпась* и т. п.) = *пришьѣль : х*, откуда *х* = *пришь* (см. об этом ДНД₂, § 3.40).

Грамота № 822

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1479, на уровне пласта 10 (глубина 1,97 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть средней строки документа:

...ч[ь]вѣот[р]о[к]ѣ

Длина 21,4 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Фрагмент делится на слова так: **...чѣвѣ отрокъ ...**

В грамоте шла речь о чьем-то отроке или чьих-то отроках (имя хозяина оканчивалось на *-ць* или *-чь*). Но грамматическая форма слова *отрокъ* устанавливается неоднозначно: М. ед. (скажем, ‘об Игначеве отроке’), В. мн. (‘чевых отроков’), И. мн. (‘чевы отроки’) или даже И. ед. (‘чев отрок’).

Прорись грамоты № 822